

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
gyla4@yandex.ru

КОЛОТОЕ КОПЫТО: К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается вопрос о происхождении севернорусской диалектной номинации *колотое копыто* в значении ‘о замужней женщине или обесчещенной девушке’, зафиксированной в олонецких говорах конца XIX века краеведом и этнографом Г. И. Куликовским. Проведенное исследование подтверждает, что это обозначение вписывается в общеславянскую традицию и дополняет ряд наименований типа *битый горшок*, *розная посудина* и под., во внутренней форме которых отражается представление о женщине, утратившей невинность, как о расколотом сосуде, что в акциональном коде свадебного обряда находит символическое выражение в ритуале битья горшков. Для компонента *копыто*, помимо очевидной метафоры, восходящей к прямому значению этого слова, предлагается мотивационная модель, обусловленная диалектным употреблением данной лексемы на Русском Севере в качестве названия головного убора замужней женщины. Выдвинутая гипотеза находит подтверждение в типичных для свадебной обрядности номинациях, в фокусе которых оказывается соответствующий образ (*венчанные*, *бесшамшурная*, *пустоволоска*, *покрытка*), а также в общности ареала распространения обоих названий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : колотое копыто, Г. И. Куликовский, свадебный обряд, битье горшков, невеста, Русский Север

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьячкова И. Н. *Колотое копыто*: к семантико-мотивационной реконструкции севернорусской диалектной номинации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 7. С. 44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1231

ВВЕДЕНИЕ

Номинация, о которой пойдет речь в настоящей работе, упоминается в целом ряде лексикографических, этнолингвистических и фольклорно-этнографических источников (см., напр.: [5: 96], [7: 35], [8: 29], [12: 313]). Как правило, в этих исследованиях она дается со ссылкой на «Словарь русских народных говоров»¹, где представлена в следующем значении: «**Колотое копыто**. *Ирон.* О замужней женщине или обесчещенной девушке. Олон., Куликовский» (СРНГ 14: 305). Обращение к первоисточнику – «Словарю областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении»² Г. И. Куликовского, на который ссылается СРНГ (см. выше), позволяет конкретизировать территорию бытования этого выражения в конце XIX – начале XX века:

«**Колотое копыто** (Водлоз. Почезеро, Корбозеро, Кенозеро, р. Онега, Пудожь, Данилово, Пт.) называютъ

въ насмѣшку замужнихъ женщинъ, а въ Быковск. вол. (Каргополье. – *И. Д.*) тѣмъ-же именемъ зовуть нечестивыхъ дѣвушекъ» (Куликовский: 39).

Приведенные географические пометы свидетельствуют о его преимущественной локализации в восточных районах бывшей Олонецкой губернии – Каргопольском, Пудожском, Повенецком уездах, а также окрестностях Петрозаводска.

Помимо номинации *колотое копыто* Г. И. Куликовский представляет в своем словаре целый ряд сходных в формально-мотивационном отношении наименований с аналогичной терристорией распространения – Каргополье, Пудожье:

битый (колотый) горшокъ «дразнить женщинъ замужнихъ и вдовъ» (Куликовский: 4), *колотая посудина* (Куликовский: 39), *розная посудина* (Куликовский: 101). *Корма розна* «могутъ кричать лодке, которой править женщина» (Куликовский: 101).

Однако все эти шуточные, ироничные, а нередко презрительные обозначения женщин, утратив-

ших невинность, с использованием лексем *горшок* и *посудина* в контексте символики свадебного обряда, о чем будет сказано далее, получают достаточно прозрачную мотивировку, чего нельзя сказать об их именовании *копытом*, не вписывающемся в общую картину и заставляющем искать иные причины и объяснения его внутренней формы.

Определение этих причин, связанных с традициями и символикой севернорусского свадебного обряда, является предметом и целью проведенного исследования, направленного на выяснение так называемой «культурной этимологии» (термин С. М. Толстой [15: 223]) рассматриваемого наименования. В этнолингвистике приемы и принципы разработки подобных этимологических решений основываются на методе семантико-мотивационной реконструкции, который применяется в тех случаях, когда, как отмечает Е. Л. Березович,

«изучаются лексические единицы, представляющие собой результат вторичной номинации или ее источник <...> Такой материал может не ставить перед исследователем сугубо этимологические проблемы, предполагающие собственно корневую идентификацию, учет фонетико-словообразовательных закономерностей и пр. Проблемы состоят главным образом в реконструкции мотивировки и обнаружении историко-культурного контекста, стоящего за словами. Подобная реконструкция, как правило, невозможна для отдельного, рассматриваемого вне системных связей, изолированного слова; его необходимо поместить в мотивационный ряд, восстановить звенья сети, которая соединяет изучаемое слово с другими, обнаружить структуру этой сети» [2: 204–205].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Поскольку в нашем случае речь идет о двухсловной номинации, остановим вначале внимание на ее первом компоненте — лексеме *колотый*. В символике славянского свадебного обряда это наименование и его синонимы (*битый*, *розный* — в словаре Куликовского) восходят к ритуалам битья (продырявливания) посуды, которое традиционно устраивалось после первой брачной ночи и служило обозначением утраченной невестой девственности [14: 194]. С. М. Толстая отмечает, что наряду с привлечением цветового кода (демонстрация простыни, рубашки молодой и др.) семантическая оппозиция «целое — нецелое, разбитое, разорванное, истолченное и т. п.» является одним из наиболее древних и типичных способов «овеществления» в славянской свадебной обрядности «метафоры “женщина (женское лоно) — сосуд”, находящей подтверждение во многих языковых номинациях и культурных явлениях (ритуалах, верованиях и др.)» [14: 194]. В этно-

графических исследованиях отмечается, что «подать родителям “худой” (т. е. плохой, дырявый) кубок с вином» был одним из самых старых (известных с XV века) способов «осрамления» нечестной невесты в ходе русской свадебной церемонии [11: 197].

Обычай разбивать горшки во время свадебного обряда на Русском Севере фиксируется повсеместно. См., например, как описывается ритуал «бужения» молодых у поморов в словаре И. М. Дурова³, где представлен материал начала XX века:

«**Будить молодых.** Свадебный обычай, теперь отживающий вместе с традициями поморской свадьбы. Состоит он в следующем. Утром рано, на следующий день после венца, один из старших в семье (невестка, брат, деверь, тетка) берет глиняный горшок или какую-либо нещелявую (цельную) глиняную посудину и, с силой ударяя, бросает его к дверям комнаты молодоженов. Разбив в черепки посуду, будильщик уходит <...> Этот обычай несколько будет циничным в своем значении; он дает намек на превращение девушки в женщину. <...> Повс.» (Дуров: 40–41).

Аналогичный обычай в архангельских и ярославских говорах так и назывался *бить горшки*: «когда бьют посуду, поднимая молодых после первой брачной ночи» (АОС⁴ 9: 376; ЯОС⁵ 1: 60). В Северном Прикамье похожий обряд именовался *ломать (бить) корчагу*:

«**Ломать (бить) корчагу.** Ритуальное определение “честности” молодой, когда жениху после брачной ночи поручалось разбить глиняный сосуд. *Если честная невеста, так жених корчагу утром ломает.* <...> *Спать повезут молодых с гармонью, с рыбным пирогом, с вином. Мать, отец, свахи провожают. Утром они же идут будить с подносом. Корчаги потом ломали*» (ЭССП⁶: 84).

Ритуальное битье горшков на второй день свадьбы было распространено в Заонежье. Если невеста была честной, то крестная бросала об пол глиняный горшок со словами: «Хороши наши молодые!», в противном случае «для битья выдавался горшок, имеющий трещину» [9: 248]. Если невеста оказывалась девственницей, на стол могли выносить горшок с вареным молоком, перевязанным красной лентой, такие же ленты привязывались к рюмкам, которыми чествовали молодых после первой брачной ночи. Существовал также обычай будить молодых «под гром горшков»: «Бьют горшки в знак лишения девичьей чести» [9: 247].

В Тарногском районе Вологодской области, когда будили молодых, горшок разбивали о стену или о порог горницы. Свекровь при этом могла приговаривать: «Хороший был горшочек, жалко горшочка!» В некоторых деревнях после разбивания горшка невеста одаривала све-

кровь *горшечником* – специальным полотенцем для доставания горячих горшков из печи [1: 297, 366].

В Северном Прикамье, перед тем как разбить горшки, их могли надевать на головы молодым:

«на второй день свадьбы надевали горшки жениху с невестой на голову, затем их били (со словами “где бьется, тут и живется”), затем черепки выбрасывали на огород, “чтоб в огороде велось и чтоб дети были”; также осколки от битых горшков подкладывали под подушку брачной постели жениха и невесты» (ЭССП: 219).

Ритуальное битье горшка могло заменяться его «продырявливанием»: в Красновишерском районе Пермского края этот ритуал совершала свекровь, которая после пробуждения молодых ломала горшок черенком ухвата, ударяя им в дно глиняного горшка (ЭССП: 302).

На фоне сказанного становится понятна мотивационная основа севернорусских выражений *битый (колотый) горшок, колотая посудина, розна* (то есть ‘дырявая’) *посудина*, которые фиксируются в словаре Г. И. Куликовского. Все они подчеркивают отнесение женщины к определенной социовозрастной группе посредством апелляции к свадебному ритуалу, который этот статус за ней закреплял. Этнографический материал подтверждает, что разбивание горшков как метафора дефлорации могло приобретать как положительный (если невеста сохраняла целомудрие до брака), так и отрицательный (если невеста оказывалась «порченной») смысл. Это обстоятельство объясняет, почему аналогичный образ в народной речи использовался в том числе для обозначения нечестных невест. Отсюда понятна и коннотативная окраска подобных выражений, которую отмечают словари: заключая в себе прозрачный намек на физиологические подробности, связанные с телесным низом, символическим коррелятом которых выступало битье горшков, эти наименования либо выражали иронично-шутливый подтекст по отношению к женщине, «законно» утратившей невинность, либо презрительно клеймили ту, что не сумела сохранить свою девичью честь до брака.

Представление о потерявшей невинность женщине как о разбитой / продырявленной посуде находит отражение и в других севернорусских диалектных номинациях. К ним можно отнести, например, такой глагол, как *обрешетиться* в значении ‘(насм.) нарушить девство до замужества’, зафиксированный А. И. Подвысоцким⁷ в онежских говорах (Подвысоцкий: 106). Сход-

ный мотив прочитывается в устойчивом эвфемистическом обороте *ломать доньшко* (перм.), обозначающем коитус: *Спали молодые, дёньшко-то ломали* (ЭССП: 85). Образ не расколотого, но тем не менее «испорченного» горшка лежит в основе выражения *снятая криночка*: «**Снятая криночка**. Яросл. Ирон. О девушке, утратившей невинность до замужества» (ЯОС 5: 90). Наконец, в Словаре русских говоров Карелии находим в каргопольских говорах еще одно наименование, синонимичное отмеченным Г. И. Куликовским, – *ломаный горшок*, но уже с более специализированным значением ‘жена новобранца’: *Ночь проспит, проспит, да в армишку уедет, а она останется ломаной горшок*. Карг. (СРГК⁸ 1: 378).

Обратимся далее ко второй части рассматриваемой номинации – лексеме *копыто*, которая, как уже было отмечено выше, не вписывается в представленный ряд. Данный вывод подтверждается анализом значений слова *копыто* в исторических и диалектных словарях, поскольку ни в одном из них не отражается его связь с наименованием какого-либо сосуда, что свидетельствует о семантической мотивации иного рода.

С одной стороны, существуют весомые основания обратиться в данном случае к прямому значению этой лексемы, исходя из которого выражение *колотое копыто* может быть определено как метафора, связанная с образом ступни парнокопытного животного (коровы, овцы). К аргументам, говорящим в пользу этой версии, например, можно отнести то, что бык и корова в свадебном обряде (наряду с петухом и курицей) в целом считаются «наиболее распространенными символами жениха и невесты, общими для всех славян» [4: 793]. Известно, что к слову *корова* восходит название *каравая*, который воплощал в себе соответствующую анималистическую символику. Повсеместно у русских при сватовстве использовались приговоры, в которых высказывалось желание купить корову или телушку либо найти корову для своего быка [4: 240]. А. В. Гура отмечает, что в смоленских говорах девушку на обручении иногда называли *коровкой*, также у русских на второй день свадьбы был известен шуточный обычай под названием *искать телушку* (или *искать ярку*) – спрятанную невесту [4: 104, 240]. Однако приведенные аргументы все-таки оставляют сомнения, поскольку во всех рассмотренных случаях в качестве символического коррелята невесты выступает название самого животного, тогда как представление о копыте коровы или овцы нигде не встречается.

Стремление найти альтернативу данному решению привело нас к иному значению слова *копыто*, которое отмечается в севернорусских говорах и закрепляется за названием одноименного головного убора, который носили в ряде районов Русского Севера замужние женщины. См. у В. И. Даля: «**Копытце** ср. умалит. арх. кокошник» (Даль⁹).

Словарь А. И. Подвысоцкого уточняет территорию распространения и раскрывает мотивировку этого названия: «**Копыто, Копытцо** – женский головной убор, сходствующий формою с копытомъ, – въ родѣ кокошника, но выше его. Онеж., Холм., Пин.» (Подвысоцкий: 70). Ссылаясь на А. И. Подвысоцкого и В. И. Даля, «Словарь русских народных говоров» фиксирует оба варианта, отмечая их функционирование в данном значении также в олонекских и вологодских говорах (СРНГ 14: 305). В словаре Г. И. Куликовского эта лексема не отмечена, но чрезвычайно любопытен для нас комментарий, который составитель дает для другого женского головного убора – *сдери́хи*, важным конструктивным элементом которого была твердая подковообразная основа в виде копыта, на которое крепилось очелье сороки: «Сдери́ха (Кеноз., р. Онега, Б. Шалга, Пд.) головной уборъ молодой замужней женщины **въ видѣ лошадинаго копытца** (выделено мною. – И. Д.), поддерживающий сороку» (Куликовский: 105). Обращает на себя внимание то, что для данной реалии обозначен практически тот же географический ареал, что и для анализируемого нами выражения.

Этнографические источники подтверждают, что *сдери́ха* за особенности формы также называли на Русском Севере *копытом*. Так, Н. И. Лебедева и Г. И. Маслова отмечают, что «наиболее значительная область распространения копытообразной кички, известной под названием “копыто”, “сдери́ха”, – Олонецкая, Архангельская и частично Вологодская губернии» [10: 25]. Свидетельствуют об этом и другие источники: о распространении в Каргопольском и Онежском уездах Олонецкой губернии *сдери́х* с «копытцами» пишет Г. А. Григорьева – автор каталога «Головные уборы Русского Севера» [3: 5], она же отмечает, что отличающиеся по форме, но с той же твердой подковообразной основой шапочки-«копыта» носили замужние женщины в Шенкурском уезде Архангельской губернии, Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии [3: 7].

Чтобы объяснить, почему связь с *копытом* – головным убором кажется вероятной в случае

с обсуждаемым выражением, обратимся к типологическим параллелям. Первая и наиболее известная закреплена в таких номинациях, как общенар. *венчаться, венчание, венчанье, из-под венца*, помор. *венец, венца смотреть* (Дуров: 48), в которых оказывается запечатленным именно образ головного убора, которым покрывают головы брачующихся во время свадебного обряда. А. В. Тихомирова дополняет этот список такими диалектными номинациями, как орл., сиб. *принимать венец* ‘вступить в брак, венчаться’, печор. *без венца* ‘без проведения обряда венчания’, пск. *наложить венки* ‘обвенчать кого-либо’, сиб. *изломать венец* ‘экспр. разойтись с мужем’ [13: 44]. С. М. Толстая отмечает, что в Полесье «порченной» невесте не надевали венка, говорили, что она его «перетерла», «пролежала», «продрала», либо этот венок надевали поверх платка, «это было знаком того, что невеста нечестная, “покрытка” (букв. покрытая платком, преждевременно “обабившаяся”. – И. Д.)» [14: 199], ср. также украинское выражение *загубити вінок*, означающее потерять невинность до брака [5: 98].

Представление о головном уборе отражается и в других собственно женских номинациях. Так, на Русском Севере и ряде других территорий девушек, которые самовольно, «без родительского дозволения» вступали в брак и поэтому «при отсутствии сваты-кручельщицы» сами были вынуждены подбирать свои волосы под повойник (Подвысоцкий: 152), называли *самокрутками*. Отсутствие положенного по статусу и возрасту головного убора фиксируется в таких номинациях, как *бесшамшурная* (ЭССП: 21), *пустоволоска* [6: 31] со значением ‘старая дева’ (так и не примерившая головной убор замужней женщины – шамшуру). Моральный облик девицы, преждевременно утратившей невинность, закрепляется также в лексеме *простоволоска* ‘незамужняя, вольного поведения женщина, потерявшая право убирать голову по-девичьи’ (Даль). А. В. Коровашко, ссылаясь на этнографические труды Д. К. Зеленина, отмечает зафиксированные им подставные имена девок и баб, которые использовали охотники-промысловики на Дальнем Востоке, соблюдавшие табу на упоминание «прямых» женских имен. Девки они именовали *простыги* (то есть простоволосые), а женщин – *белоголовки* (по покрывавшей голову белой намитке / убрису) [8: 29]. Как видим, для выражения противопоставления в данном случае опять же используется представление о наличии / отсутствии на женщине головного убора.

Сказанное позволяет предположить, что именование *колотое копыто* могло быть образовано по сходной модели, где *копыто* – головной убор метонимически номинировало замужнюю женщину, а прилагательное *колотое* – по связи с тем же ритуалом битья горшков и символикой дефлорации в целом – означало утрату ею невинности. О возможности самостоятельного употребления данного определения свидетельствует выражение *розна корма* в значении ‘лодка, управляемая женщиной’, которое отмечает в своем словаре Г. И. Куликовский, где ироничный намек на «женскость» передается только первым словом. Кроме того, поскольку *колотым копытом* называли нечестных невест, лексема *колотый* в данном контексте могла передавать такие значения, как ‘порченный’, ‘бракованный’, ‘плохой’, что в соединении со словом *копыто* должно было прочитываться как ‘порченная невеста / жена’. Возможно, что именно эта функция обсуждаемого выражения и была первичной, если принимать во внимание предложенную гипотезу. Если же перед нами все-таки метафора, восходящая к прямому значению, то актуализация этой реалии в народном сознании, ее нетипичность для соответствующей общеславянской терминологии тоже кажутся неслучайными

на фоне распространения на той же территории свадебного головного убора с аналогичным названием. По-видимому, в этом еще предстоит разобраться.

ВЫВОДЫ

Выполненные наблюдения подтверждают, что номинация *колотое копыто*, обнаруженная в олонекских говорах конца XIX века Г. И. Куликовским, вписывается в общеславянскую традицию и дополняет ряд наименований, во внутренней форме которых отражается представление о женщине, утратившей невинность, как о расколоте сосуда, что в акциональном коде свадебного обряда находит символическое выражение в ритуале битья горшков на утро второго свадебного дня. Для компонента *копыто*, помимо очевидной метафоры, восходящей к прямому значению этого слова, предлагается мотивационная модель, обусловленная диалектным употреблением данной лексемы на Русском Севере в качестве названия головного убора замужней женщины. Выдвинутая гипотеза находит подтверждение в типичных для свадебной обрядности номинациях, в фокусе которых оказывается образ головного убора, а также в общности ареала распространения обоих названий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор; Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинград. отд-ние; СПб.: Наука, Санкт-Петербургский филиал, 1965–. Вып. 14: Кобзарик – Корточки. 2002. 376 с.
- ² Куликовский – Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1898. 151 с.
- ³ Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Карельский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2011. 453 с.
- ⁴ АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 9: Вязаться – Готовой. 1996. 400 с.
- ⁵ ЯОС – Ярославский областной словарь: [Учеб. пособие] / Мин-во просвещения РСФСР, Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского; Ред. коллегия: Г. Г. Мельниченко (отв. ред.) [и др.]. Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991. Вып. 1: Аа – Бобинка, 1981. 66 с.; Вып. 5: К – Лиова. 1986. 131 с.
- ⁶ ЭССП – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / Под общ. ред. И. А. Подюкова. Пермь, 2004. 360 с.
- ⁷ Подвысоцкий – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
- ⁸ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербургский гос. ун-т; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1: А – Дрожжаник. 1994. 512 с.
- ⁹ Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] М.: Русский язык, 1981–1982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/копыто> (дата обращения 22.05.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарног. р-н Вологод. обл.). М.: Современник, 1985. 390 с.
2. Березович Е. Л. О семантико-мотивационной реконструкции лексики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. Т. 16, № 4 (133). С. 199–214.

3. Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: Каталог. Архангельск: Правда Севера, 1999. 162 с.
4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 935 с.
5. Гура А. В. Девичья честь в традиционной системе ценностей // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 93–108.
6. Зверева Ю. В. Наименование человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 28–36.
7. Кабакова Г. И. Девственность // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2014. Т. 1: Д – К (Крошки). 1999. С. 35–36.
8. Коровашко А. В. Почему баба – «шелуха», или Русские скалды на берегах Витима // Живая старина. 2015. № 4 (88). С. 27–30.
9. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.) / Науч. ред. К. В. Чистов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 327 с.
10. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX века как материал к этнической истории народа // Советская этнография. 1956. № 4. С. 18–31.
11. Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. М.: Наука, 1978. С. 121–213.
12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
13. Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 43–50.
14. Толстая С. М. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 192–206.
15. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–229.

Поступила в редакцию 17.02.2025; принята к печати 02.06.2025

Original article

Irina N. Dyachkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
gyla4@yandex.ru

KOLOTOE KOPYTO: ON THE SEMANTIC AND MOTIVATIONAL RECONSTRUCTION OF A NORTHERN RUSSIAN DIALECTAL NOMINATION

Abstract. The article discusses the origin of the Northern Russian dialectal nomination *kolotoe kopyto* (“broken hoof”), meaning a “married woman or dishonored girl”, as recorded in the Olonets dialects of the late XIX century by the local historian and ethnographer G. I. Kulikovskiy. The conducted research confirms that this designation fits into the all-Slavic tradition and complements a number of names such as *bityj gorshok* (“broken pot”), *roznyaya posudina* (“leaking tub”), etc., whose internal forms reflect the idea of a woman who lost her virginity as a broken vessel, which is symbolically expressed in the ritual of breaking pots within the action code of wedding ceremony. In addition to an obvious metaphor derived from the direct meaning of the word *kopyto* (“hoof”), the article presents a motivational model for this component based on the dialectal use of this lexeme in the Russian North as the name of a married woman’s headdress. The hypothesis put forward is confirmed by typical nominations used during wedding rituals, which focus on corresponding images (*venchannye* (“crowned”), *besshamshurnaya* (“without a headdress”), *pustovoloska* (“bare-headed”), *pokrytka* (“covered”)), as well as by the common distribution area of both names.

Key words: *kolotoe kopyto*, broken hoof, G. I. Kulikovskiy, wedding ritual, breaking pots, bride, Russian North

For citation: Dyachkova, I. N. *Kolotoe kopyto: on the semantic and motivational reconstruction of a northern Russian dialectal nomination. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2025;47(7):44–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1231

REFERENCES

1. Balashov, D. M., Marchenko, Yu. I., Kalmykova, N. I. Russian wedding: Wedding ceremony on the Upper and Middle Kokshenga and on the Uftyuga (Tarnoga District, Vologda Region). Moscow, 1985. 390 p. (In Russ.)

2. Berezovich, E. L. On semantic and motivational reconstruction of vocabulary. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2014;16(4(133)):199–214. (In Russ.)
3. Grigoryeva, G. A. Headdresses of the Russian North in the collection of the State Museum Association “Artistic Culture of the Russian North”: Catalog. Arkhangelsk, 1999. 162 p. (In Russ.)
4. Gura, A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism. Moscow, 2012. 935 p. (In Russ.)
5. Gura, A. V. Maiden honor in the traditional value system. *Assessment category and value system in language and culture*. (S. M. Tolstaya, Ed.). Moscow, 2015. P. 93–108. (In Russ.)
6. Zvereva, Yu. V. Man nomination in the aspect of marriage in Perm dialects. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013;1(21):28–36. (In Russ.)
7. Kabakova, G. I. Virginitiy. *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.* (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995–2014. Vol. 1: D – K (*Kroshki*). 1999. P. 35–36. (In Russ.)
8. Korovashko, A. V. Why women are *shelukha*, or Russian skalds on the banks of the Vitim River. *Zhivaya starina*. 2015;4(88):27–30. (In Russ.)
9. Kuznetsova, V. P., Loginov, K. K. Russian wedding in Zaonezhye (late XIX – early XX centuries). Petrozavodsk, 2001. 327 p. (In Russ.)
10. Lebedeva, N. I., Maslova, G. S. Russian peasant clothing of the XIX and early XX centuries as a source for studying the ethnic history of the people. *Sovetskaya etnografiya*. 1956;4:18–31. (In Russ.)
11. Lipinskaya, V. A., Safyanova, A. V. Wedding rituals of the Russian population of the Altai Mountain District. *Russian folk wedding ceremony*. Moscow, 1978. P. 121–213. (In Russ.)
12. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Unabridged dictionary of Russian proverbs: more than 40,000 figurative expressions. Moscow, 2013. 783 p. (In Russ.)
13. Tikhomirova, A. V. Symbolism of names of clothes and shoes in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2013;1(21):43–50. (In Russ.)
14. Tolstaya, S. M. The symbolism of virginity in Polesye wedding rites. *Sex and eroticism in Russian traditional culture*. Moscow, 1996. P. 192–206. (In Russ.)
15. Tolstaya, S. M. Terminology of rites and beliefs as a source for the reconstruction of ancient spiritual culture. *Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: Sources and methods*. Moscow, 1989. P. 215–229. (In Russ.)

Received: 17 February 2025; accepted: 2 June 2025